

КАК ДЕЛАЕТСЯ КИНО

В стихотворении «Как нарисовать птицу» поэт Жак Превьер говорит, что мало нарисовать ее хорошо, надо сделать так, чтобы птица запела. И если она запоет, обнаружит собственный голос, вот тогда только можно ставить подпись на картине. Стихотворение Превьера — поэтическая метафора творчества вообще, творчества, которое по природе своей не может быть безголосым, безгласным.

Свой голос в искусстве — особый предмет. Над ним, приходит время, задумывается всякий художник. Новая картина режиссера И. Авербаха так и называется «Голос».

С именем И. Авербаха у нас прочно связано представление как о кинематографисте умном, жестковатом, тонком. Его внимание постоянно сосредоточено на сфере, именуемой внутренним миром человека. Его волнуют психологически нюансированные взаимоотношения героев. Его занимают преимущественно те события, что приоткрывают нам «грацию души». Тому, кто видел его фильмы — «Монолог», «Чужие письма», «Объяснение в любви», вряд ли придется доказывать, что искусство И. Авербаха — это искусство психологическое и аналитическое прежде всего.

В этой связи его новая работа на первый взгляд может показаться неожиданной. Фильм «Голос» (сценарий Н. Рязанцевой) раскрывает кухню кинематографического про-

изводства. Нам показывают процесс озвучания уже отснятого материала, разногласия режиссера и сценариста, работу за монтажным столом, атмосферу в киностудии и т. д. и т. п. Что это: еще одна версия кино о самом себе? Еще один фильм на «производственную тему»?

Но чем больше погружаешься в эту картину, возвращаясь к ней уже мысленно, тем яснее становится характер своеобразной исповеди режиссера, попытки авторов ленты осмыслить свой труд, свой опыт выстраданного и постигнутого в искусстве, в жизни. Не повышая голоса, буднично, фильм рассказывает о том, что движет художником в процессе работы. Авторы размышляют о невосполнимости нервных затрат, которыми оплачивается таинство рождения художественной ткани, о мучительных взаимоотношениях творцов между собой и со своим детством, а в итоге — о смысле жизни человека-артиста. Сокровенное содержание картины выявляется исповядь, полчася теряясь в отдельных сюжетно-сценарных линиях, в сляком беглой обрисовке некоторых персонажей и ситуаций. Это несколько рассредоточивает внимание зрителей, не позволяя им, например, понять, о чем же рассказывает фильм, который на экране снимает эта киностудия. Однако «производство кино» — здесь не самоцель. Это только первый слой фильма, на котором ав-

торы разрабатывают нечто более существенное — мысль о современном художнике-творце, схваченном в его непарадной форме существования.

Острота и напряженность повседневной текучки перебивается грустной самоиронией, мягким юмором отдельных ситуаций. Манера кажется документальной, может быть, чуть-чуть излишне скрупулезной.

Первые кадры фильма. Полутьма. Тихие голоса. Огромная сосредоточенность глаз и лиц. Идет озвучание ленты. Мы видим, чувствуем мучительное непопадание Актрисы (ее играет Н. Сайко) — и раз, и другой, и пятый, — в состояние своей экранной героини. Мгновение бессилия художника. Влажно поблескивает лоб... И нам понятна обида Драматурга (артист Г. Калатозишвили) — добродушного, милейшего и сдержанного человека, — который, не узнав в просмотренном материале своего сценария, напустился, с неожиданной яростью хлопнул дверью и, подняв воротник, сиротливо побрел под дождем «зализывать рану». Мы видим глаза — властные и скорбные, молящие и проницательные, требовательные, ледяные и теплые — Режиссера (артист Л. Филатов), который не может, но обязан все знать, всех примирить, за все ответить.

Напряженность перепадов в работе, в настроениях персонажей подчеркнута И. Авербахом ритмическими контрапунктами. Локальная сосредоточенность действия в комнате киносту-

ды, в больничной палате (Актриса, снявшаяся в главной роли, больна) перебивается многофигурными композициями ярко освещенных коридоров киностудий. Нервная пульсация рабочего дня сменяется статикой, неподвижностью. Атмосфера этого кадра, снятого поздней ночью, длинным общим планом — вбирает в себя обрывки восклицаний, смех, усталые позевывания, неясные очертания фигур, шум отъезжающей машины. Живое смеющееся лицо Актрисы, вернувшейся после работы в больничную палату, внезапно и как-то вскользь сменяется ее же фотографией, — но уже в студийном вестибюле, над цветами, в траурной рамке...

Так демонстрируя технологию озвучания, работу за монтажным столом или в просмотровом зале (всего лишь!), авторы разворачивают внутреннее содержание «Голоса» как фильма, посвященного не столько кухне кинематографического производства, сколько невероятной сложности творческого процесса. В этом, если угодно, его внутренняя полемика — и с любителями бегаловых огней «мира кино», и с обывательским интересом к личной жизни актеров, и с пресыщенными «знатоками» того, как делается кино.

Оттого, пожалуй, так пристально, горько, въедливо прослежены здесь нервные стрессы Актрисы, назлектризованные паузы в диалогах Драматурга с Режиссером, долгие

поиски постоянно скрывающегося куда-то Композитора (артист С. Бехтерев), традиционная паника по поводу угрозы срыва сроков сдачи картины и многое другое, что в совокупности своей составляет жизнь и смысл этого маленького человеческого сообщества — киностудии. Рассматривая именно отношение художников к творчеству. Их способность, их потребность всецело отдаваться ему. Это раскрывается и в эпизодах на студии, и в эпизодах в больнице. Авторы картины выявляют также взгляд обычного человека на людей искусства. Так жизнь Актрисы, лишенная привычных, с точки зрения, скажем, медсестры, радостей, кажется той неестественной, сам образ жизни — странным.

Правда, тема фильма, раскрываясь на разном материале, не развивается, а главная мысль, варьируясь, порой приобретает оттенок монотонности.

Впрочем, к концу фильма ты понимаешь, что «Голос» еще и о том, как жизненно важно каждому из нас — чем бы ты ни занимался, где бы ни жил, — чтобы дело, в котором реализуешься как личность, в которое вкладываешь все лучшее, чем располагаешь как человек и профессионал, несмотря ни на что, было доведено до конца. Чтобы у него был свой голос. Именно твой голос.

Э. ЯСНЕЦ,

кандидат искусствоведения

Ленинград, 1966, 27 окт.